

Евгений
ТАТАРНИКОВ

г. Ижевск

«ЗЛАТОКУДРЫЙ ЛЕЛЬ» В БЕРЛИНЕ

К 100-летию пребывания С. Есенина и А. Дункан в Германии
(12 мая 1922 – 4 февраля 1923 года)

Предисловие

«...Я познакомился с этим странным молодым человеком, угадать в котором поэта можно было лишь после длительного наблюдения. Тривиальное определение «молодой человек» не подходит к нему. Вы видели изящную внешность, стройную фигуру, жизнерадостное выражение лица, живой взгляд, и казалось, что всё это изобличает породу в самом аристократическом значении этого слова. Но под этим обликом и манерой держать себя тотчас обнаруживалась подлинная натура этого человека, та, что выразилась в «Исповеди хулигана». В резких жестах руки, в модуляциях голоса, временами доходящих до крика, распознавался табунщик, мальчик нецивилизованный, свободный, полный безотчётных влечений, которого с трёх лет отпускали в степь. Он мне рассказывал, как однажды его дядя, вместе с которым он жил, сел верхом на лошадь, посадил и его тоже верхом на кобылу и пустил ее вскачь. Свою первую верховую прогулку поэт совершил галопом. Вцепившись в гриву лошади, он с честью выдержал испытание. В этом весь Есенин. Человек и поэт», – писал об этой встрече в 1922 году в Париже Элленс Франц – видный бельгийский прогрессивный писатель.

«**Б**ыл у нас в селе праведный человек, отец Иван. Он мне и говорит: «Татьяна, твой сын отмечен Богом». (Татьяна Федоровна Есенина)

Жизнь русского поэта Сергея Есенина – загадочна и трагична и ещё противоречива. Если его трагедия была у всех его друзей на виду, то его загадку будут ещё долго разгадывать. Ну сколько в его жизни было женщин? Писатель Герман, более известный под псевдонимом Эмиль Кроткий, однажды услышал от поэта: «Женщин триста-то у меня поди было?» – задал ему вопрос Есенин и засмеялся. Собеседник не поверил. «Ну, тридцать», – резко сбавил цифру Есенин. «И тридцать не было», – сказал Кроткий. «Ну... – помолчал Есенин, – десять». «На этом, – пишет Кроткий, – и помирились». «Десять, пожалуй, было, – подвёл черту и поэт». «В цифрах Есенин был на прыжки горазд и легко уступчив. Говоря как-то о своих сердечных победах, махнул: «А ведь у меня, Анатолий, за всю жизнь женщин тысячи три было». – «Вятка, не бреши». – «Ну, триста». – «Ого!» – «Ну, тридцать». – «Вот это де-

ло», – а это уже говорил его друг Мариенгоф. Конечно, точное количество женщин у «златокудрого Леля» – Есенина мы уже не узнаем. Наверное, их было много, но всю жизнь он безумно был влюблён в одну женщину – Россию – Русь, о которой писал:

*...Когда на всей планете
Пройдёт вражда племён,
Исчезнет ложь и грусть, –
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».*

В его «Сельском часослове» читаем: «...родина... не отрекусь принять тебя даже с солнцем, похожим на свинью... Не испугаюсь просунутого пятачка его в часток души моей...» Однако нельзя не видеть, что любовь Есенина была слепа к России и основана на наивной и эгоистичной убежденности большинства людей в том, что моя Родина должна быть непременно самой лучшей. Кроме того, Родина в лирике Есенина каким-то парадоксальным образом отчуждена от людей, населяющих её просторы. Россия в произведениях Есенина – это только природа, но не люди, которых он ревнует к «своей», только ему принадлежащей Родине. Вспомним спор Есенина с Маяковским, описанный в воспоминаниях Н. Полетаева (13): «Есенин не терпел соперников, даже признанных, даже больших. Как-то на банкете в Доме печати, кажется, в Новый год, выпивши, он всё приставал к Маяковскому и чуть не плача кричал ему: «Россия моя, ты понимаешь, моя, а ты... ты – американец! Моя Россия!» На что сдержанный Маяковский отвечал иронически: «Возьми, пожалуйста! Ешь её с хлебом!»

Ну а кто была его любимая женщина? Впервые он увидел её в мастерской художника Жоржа Якулова 3 октября 1921 года. Холодным, дождливым осенним утром Есенин смотрел на незнакомую ему женщину, глаза которой были похожи «...на мыльные пузыри. На играющие всеми цветами радуги мыльные пузыри. Величиной с миндалину рот, прямой нос римлянки с крутыми ноздрями великой грешницы, немного тяжелые плечи, высокая шея, полноватый корпус и лёгкая гармоничная походка танцовщицы. Большой, холодный лоб и массивная нижняя челюсть отличали современную женщину, думающую, беспокойную, энергичную. Она сняла со своих шел-

ковых туфель мягкие калоши, форма которых меня сильно удивила, и кокетливо повесила их у вешалки на торчащий из стены гвоздь. На ней был короткий расстёгнутый жакет из соболей, вокруг шеи необыкновенно прозрачный длинный шарф. Сняв жакет, она осталась в строгой греческой тунике красного цвета. Коротко остриженные волосы <...> были медно-красного цвета. Привыкнув к античным позам, она полужакала расположилась на софе...» – писала в воспоминаниях Елизавета Стырская (11).

Одно достоверно известно, что самый яркий любовный роман у поэта был с такой же авантюристкой, как и он сам, «божественной босоножкой» – Айседорой Дункан. «Есенин к жизни своей отнёсся как к сказке. Он Иван-царевичем на сером волке перелетел океан и как Жар-птицу поймал за хвост Айседору Дункан», – писал Борис Пастернак, который не очень-то любил Есенина. Хотя Жар-птица прилетела сама и поймала тоже сама златокудрого Леля.

Дункан очень точно сказала о Есенине: «...У него были молодость, красота, гениальность. Не удовлетворенный всеми этими дарами, его отважный дух искал невозможного...» И сама же стала для него, как писал Н.Кузьмин в книге «Возмездие»: «...Подлинным несчастьем для Есенина стало знакомство с Айседорой Дункан, международной авантюристкой, уже изрядно постаревшей, но ещё способной нравиться. В России она появилась благодаря Луначарскому. Нарком просвещения был известен своей неуёмной похотливостью. Познакомившись с Дункан в Париже, он предложил ей ехать в Москву, пообещав предоставить для концертов... храм Христа Спасителя. Авантюристка ответила согласием. Она уже знала, что в Республике Советов бесстыдство души и тела стало нормой поведения и находится под защитой государственной власти. В России она рассчитывала наверстать многое из упущенного в жизни...» Сергей Есенин, видимо, так не считал, раз влюбился в Айседору, а потом буквально через месяц женился. Айседора знала, что у Есенина было сложное детство: он рос в семье деда и с родителями почти не общался. «Бедный мой мальчик, – думала Дункан. – У тебя не было матери! Ничего, я полюблю тебя вместо неё... я сумею! На своих недорастратила...» И вот этой женщине, в которую он был влюблён, он почему-то написал самые страшные, невыносимые и болезненные строки:

194 *Евгений Татарников*

*Сыпь, гармоника! Скука... Скука...
Гармонист пальцы льёт волной.
Пей со мною, паршивая сука.
Пей со мной.
Излюбили тебя, измызгали,
Невтерпёж!
Что ж ты смотришь так синими брызгами?
Или в морду хошь?
В огород бы тебя, на чучело,
Пугать ворон.
До печёнок меня замутила
Со всех сторон...*

В марте 1922 года Сергей Есенин обратился к наркому просвещения А.В. Луначарскому: «Прошу Вашего ходатайства о выдаче мне заграничного паспорта на трехмесячный срок в Берлин по делу издания книг: своих и примыкающей ко мне группы поэтов». 3 апреля 1922 года народный комиссариат иностранных дел разрешил С. Есенину командировку в Германию. Для выезда необходимо было успеть совершить одну важную формальность: оформить брак с американской танцовщицей Айседорой Дункан (1), с которой Есенин познакомился осенью 1921 года. Увлеченная модернистскими направлениями, она мечтала создать в России новую школу балета. Брак был заключен 2 мая 1922 года в Хамовническом загсе.

За пару дней до свадьбы Айседора, смущаясь, попросила Шнейдера: «Вы не могли бы исправить?» – и протянула свой паспорт. «1877» превратилось в «1887». Подумав, решили, что это неправдоподобно, и семёрку исправили на четвёрку. Айседоре стало 37. Маленький подлог, а «Есенину» будет приятно. Взяв двойную фамилию, Есенин смеялся: «Я теперь Дункан!», Дункан хохотала: «Теперь я буду настоящая толстая русская жена!» Обезумевший от любви к Дункан, Есенин нырнул вниз головой к её босым ногам, словно в бездонный омут, где его завертело как щепку. И пока он не очухался от этого водоворота, Айседора повезла своего молоденького возлюбленного в Европу и в Америку. 8 мая Есенин получил заграничный паспорт и объявил друзьям, что едет с намерением «поднахвататься культуры».

«Московский аэродром имени Троцкого – чёрного дьявола революции»

Утром 10 мая 1922 года из мастерской Жоржа Прекрасного (он же – Жорж Якулов, он же – Григор Якулян), с Большой Садовой, 10 Сергей

Есенин и Айседора Дункан отправились на аэродром, чтобы вылететь в немецкий Кёнигсберг. В мастерской Жоржа Прекрасного можно было встретить, как говорится, «всю Москву» – от наркома просвещения Луначарского до безвестного начинающего художника-футуриста... Аэродром находился на Ходынском поле, где была коронация последнего российского императора Николая II Кровавого. В день его коронации погибли 1389 человек.

Московская газета «Рабочий» в 1922 году писала: «До вчерашнего дня воздушные рейсы из Берлина в Москву были только первым опытом, первыми пробами. Вчера это уже был постоянный очередной рейс. Утро было солнечное, но часов с восьми начал накрапывать дождик, скоро, однако, разогнанный ветром. В 8.30 прибыли летчики, механики и пассажиры, а также провожающие. Аппарат с виду точно игрушечка. Каюта, в которую ведет дверь с каретными окнами, похожа на вместилище старинных дилижансов: друг против друга два мягких дивана на 6 мест. Написано на немецком и русском языках: «Собственность Российской Республики». Вес аппарата – 92 пуда, грузоподъемность – 56 пудов. Летчики берут с собой на это путешествие 27 пудов бензина. Путь от Москвы до Кёнигсберга проходит 11 часов, с остановкой в Смоленске и Полоцке».

По аэродрому – по аэродрому «Фоккер»...

По аэродрому, как пух, стелилась зелёная, но уже дерзкая трава. Она, как выскочка, вырвалась только-только наружу, и по ней бесшабашно бегала вся воздушная и босоногая Айседора, беспричинно хохоча и выбрасывая руки к небу. Сергей покосился на неё, подумав: «Опять танцует...» и с опаской посмотрел на корзину, где лежали жёлтые пузатые лимоны и такая же пузатая бутылка шампанского, она была целёхонька. «Значит, Айседора ещё трезва», – подумал Сергей и на всякий случай прикрыл корзину большевистской «Правдой», в которой он до этого прочитал, что в ознаменование десятилетнего юбилея газеты сотрудники и служащие редакции «Правды» постановили отчислить в пользу голодающих детей двухдневный заработок сверх обычных отчислений. Сергей успокоился и за Айседору, и за голодных детей, и к нему вернулось состояние покоя, которого давно у него не было.

Он был в дешёвом московском костюмчике и в парусиновых туфлях. На аэродроме Айседору и

Сергея провожали девочки из балетной школы с Ильей Шнейдером (4), ставшим за этот год импресарио Айседоры и завхозом балетной школы.

Путешествовать Сергей любил, а вот летать самолётом боялся! Благо кто-то из доброжелателей перед первым полётом успел сообщить поэту с супругой: в воздухе, мол, нужно обязательно есть лимоны, так тебя не укачает. Дункан заботилась о нём как о ребёнке и прихватила с собой корзину с лимонами: сосать, чтобы не укачало, и зачем-то бутылку шампанского.

Пассажиры напялили на себя специальные брезентовые костюмы (таковы были тогда правила полета). А корзинку с лимонами всё-таки забыли на земле! Когда самолёт заурчал мотором, Есенин заколотил в стекло, Шнейдер схватил корзинку, побежал за самолётом, медленно ковлявшим по неровному полю, и, вбежав под крыло, передал её в окно, опущенное Есениным.

Ходыньское поле имело очень много канав, бугров и рвов, которые мешали разбегу таких крупных машин, как «Фоккер», поэтому самолёт трясло, а пассажиры подпрыгивали до потолка... Неуклюже разбежавшись, самолёт всё же взлетел. На часах было 9 утра. В тесном салоне, прижавшись друг к другу, сидели шесть пассажиров. А когда самолёт набрал высоту, всем стало страшно. Внизу люди превратились в точки, а дома – в кубики, Москва-река – в извилистую верёвку. Можно было разглядеть Путевой дворец и его парк, Ходыньскую водоканчку, Петроградское шоссе.

Кто-то из пассажиров стал креститься, кто-то закрыл глаза, кто-то пил для храбрости... Айседора сидела без спецкомбинезона и испуганными глазами смотрела то ли на лимоны, то ли на бутылку шампанского, всё это лежало в корзине. Сергей в спецкомбезе был похож на инопланетянина...

В 8 вечера самолёт приземлился на аэродром Девау в немецком городке Кёнигсберг, всем было плохо, все были зелёными, и хотелось одного – упасть лицом в землю и больше не вставать. Ну, это небо... к чёрту. До Берлина Есенин и Дункан добирались вечерним поездом, приходя в себя от полёта.

Берлин – «мачеха городов русских»

Послевоенная столица Германии погрязла в нищете. На заработанные деньги жить здесь было невозможно. Вот и получилось, что рабочие, служащие и чиновники жили впроголодь, а

спекулянты-шибера, как их с ненавистью называли берлинцы, жировали. Витрины магазинов были такие, что голодному и плохо одетому человеку они казались сказочным сном, а бедных в Берлине среди немцев было много.

Почти все сытые говорили с акцентом или на чужом языке, в основном на русском. Посетители маленьких ресторанчиков обычно брали только эрзац-кофе. Это плохонький кофе, который немцы называют «блюмхенкафе» – цветочки на дне саксонских чашек. Он был прозрачен и отвратителен на вкус, а на хороший не было денег. Еду вынимали из кармана – это были тоненькие ломтики серого хлеба, слегка смазанного маргарином или мармеладом. В начале 1920-х годов в Берлине жило около 300 тысяч эмигрантов из России. Среди них были политики и дипломаты, художники и музыканты. Но особенно много в городе было писателей и поэтов: Берлин того времени даже называли «литературной столицей русской эмиграции».

Вот о нём

«Но я не хочу рассказывать о грандиозном – о событиях земного шара. У меня негромкий голос. Я хочу рассказать о маленьком. О том, как жили в эти годы в Берлине случайно собравшиеся русские писатели. Писатели были разные. Талантливые. Средние. Плохие. Приехавшие. Бежавшие. Высланные. Но жили в Берлине. И потому встречались. На Курфюрстендамм – Максим Горький. На Виктория-Луизенпляц – Андрей Белый. На Кирхштрассе завесил комнату чертями, бумажными прыгунчиками, игрушками Алексей Ремизов, пугая немецкую хозяйку, сидел в драдедамовом платке с висюльками. В комнате на Лютерштрассе – отец декадентов Н. М. Минский. Где-то – Лев Шестов. В Шёнеберге – Алексей Толстой. В кафе «Прагер Диле» – И. Эренбург. Над ним в пансион взлетала Марина Цветаева. Грустя о берёзах, ходил Борис Зайцев. Об антихристе читал лекции Бердяев. Всем недовольный, вбежал Шкловский. Приехал навсегда высланный Ю. И. Айхенвальд с Ф. А. Степуном. Жили Ив.Шмелёв, Игорь Северянин, С.Юшкевич, П.П.Муратов, Евг.Лундберг, Влад. Ходасевич, М.Осоргин, В. Станкевич, М. Алданов, З. Венгерова, Н.Петровская, и приехали прелестные чашки, разбитые революцией, Г.Иванов, Г.Адамович, Н.Оцуп. Я не могу перечислить всех. Пусть обижаются неперечисленные... Ночью шёл Виктор Шкловский, подпрыгивая на носках, как ходят

неврастеники. Шёл и пел на ходу. У витрины книжного магазина остановился. И стоял, чему-то долго улыбаясь... Марина Цветаева быстро шла по Кайзераллее. Мы зашли в большое белое кафе с гремящим, негрским джазбандом. За кофе она читала новые стихи – с придыханием, неразборчиво... По Тауэнцинштрассе шёл человек с лимонно-измождённым лицом, в зеленеющем платье. Он не держал под руку женщину. Женщина держала его. Это был Игорь Северянин... Поздно встав, шёл по Лютерштрассе Кусиков в горе: «Почему в Берлине воробьи не чирикают?» По Шёнебергу в бобровом воротнике ходил Алексей Толстой, тоскуя по золотым куполам и ненавидя немцев за то, что они не говорят по-русски», – пишет Роман Гуль в книге «Жизнь на фукса».

В мае 1922 года улица Бюловштрассе, названная в честь рейхсканцлера Германской империи, кишела кабаками и клубами разного пошиба. В одном из них – в клубе «Эльдорадо» можно было встретить Есенина, Айседору Дункан и композитора Николая Набокова.

«Там буквально яблоку негде было упасть, – вспоминал Набоков. – Всё вокруг пропахло египетскими сигаретами, потом, дешёвой косметикой и духами «Лориан Коти». В клубе начался спектакль: артисты в баварских платьях и шляпах с перьями плясали под национальную музыку, оркестр давал жару. Мешая шампанское и водку, Есенин кричал «браво» и «ура», Айседора назвала его идиотом, но Сергей не остался в долгу и назвал её кобылой. Финал сценического действия привёл поэта в восторг, он хохотал: «Смотри, смотри! Барышни превратились в мужчин и (...) нагишом раскланиваются перед публикой...»

О своей берлинской жизни поэтесса Ирина Одоевцева (12) вспоминала: «...Нравится мне здесь, за границей? Нет, совсем не нравится. Всё тут «не то и не так». ...Большинство безавших из России в восторге от берлинской жизни и наслаждается ею. Подумать только – сплошной праздник – магазины, где можно всё что угодно купить, рестораны, кафе, такси. Чего же ещё желать? О стихах здесь как будто все забыли. Трудно поверить, что эти самые люди ещё совсем недавно шли по неосвещённым, страшным ночным улицам, усталые, голодные и озьявшие, шли в мороз, часто через весь Петербург, только для того, чтобы в Доме искусств или в Доме литераторов послушать стихи...» Вот такой был Берлин в те годы.

В отеле на Унтер-ден-Линден

В час дня 11 мая 1922 года Айседора Дункан и Сергей Есенин прибыли в Берлин. В отеле «Адлон», где Айседора всегда останавливалась, её уже ждали журналисты. Приезд Айседоры Дункан из «большевистской Москвы», да ещё в сопровождении какого-то молоденького, но уже известного русского поэта, ставшего её мужем, – это была сенсация. Её буквально засыпали вопросами, на которые она охотно и пафосно отвечала: «Несмотря на лишения, русская интеллигенция с энтузиазмом продолжает свой тяжёлый труд по перестройке всей жизни, – отвечала она им. – Мой великий друг Станиславский, глава Художественного театра, и его семья с аппетитом едят бобовую кашу, но это не препятствует ему творить величайшие образы в искусстве...»

А Есенину она часто говорила, что будет его Вергилием и проведёт по всему миру, открывая ему глаза на шедевры искусства, на что Есенин лишь ухмылялся.

Молодожёны занимали две большие комнаты в отеле «Адлон» на Унтер-ден-Линден. Это было дорогое удовольствие, в день приходилось выкладывать столько же, сколько получает банковский служащий за месяц, и это не считая ресторанов, баров и счетов от портных – явно показная роскошь. «Они жили широко, располагая, по-видимому, как раз тем количеством денег, какое даёт возможность пренебрежительного к ним отношения, – пишет Наталья Васильевна Крандиевская-Толстая (3), супруга Алексея Толстого. – Дункан только что заложила свой дом в окрестностях Лондона и вела переговоры о продаже дома в Париже, поэтому они жили на «широкую ногу».

Я хожу в цилиндре не для женщин...

*Я хожу в цилиндре не для женщин –
В глупой страсти сердце жить не в силе, –
В нём удобней, грусть свою уменьшив,
Золото овса давать кобыле..,*

– писал С. А. Есенин.

«Есенину цилиндр <...> как корове седло. Сам небольшого роста, на голове высокий цилиндр – комическая кинематографическая фигура», – писала Галина Бениславская, журналистка и друг поэта.

Весной 1922 года в Берлине на тротуарах Курфюрстендама Наталья Васильевна Крандиевская-Толстая встретит эту странную пару и

оставит воспоминания: «На Есенине был смокинг, на затылке – цилиндр, в петлице – хризантема. И то, и другое, и третье, как будто бы безупречное, выглядело на нём по-маскараднему. Большая и великолепная Айседора Дункан, с театральным гримом на лице, шла рядом, волоча по асфальту парчовый подол. Ветер вздымал лиловато-красные волосы на её голове. Люди шарахались в сторону».

«Было уже не смешно, что Сергей Есенин носит цилиндр, что он любит выфрантиться, он уже потерял нелепость в своем пустопорожнем, почти маскарадном костюме. Не замечаешь смешные, претенциозные стороны, не раздражают его причуды. Ему хочется, и пусть. Ему доставляет удовольствие такой маскарад – пусть рядится, он доволен, и это – главное...» – вспоминал про этот цилиндр А. Берзинь.

Георгий Иванов вспоминал, как встретился с Есениным в берлинском ресторане: «Швейцар подал ему широкое, короткое чёрное пальто и цилиндр. Поймав мой удивлённый взгляд, он ухмыльнулся: «Люблю, знаете ли, крайности. Либо лапти, либо уж цилиндр и пальмерстон». Он лихо нахлобучил цилиндр на свои кудри: «Помните, как я когда-то у Городецкого в плисовых штанах, подпоясанных золотым ремешком, выступал? – Есенин смеётся. – Умора! На что я тогда похож был! Ряженный!» – Да, конечно, ряженный. Только и сейчас, в Берлине, в этом пальто, которое он почему-то зовёт «пальмерстоном», и цилиндре у него тоже вид ряженого. Этого я ему, понятно, не говорю».

С. Городецкий говорил: «Цилиндр был символом ухода Есенина из деревенщины в мировую славу». Мужики, ну вы чё привязались к его цилиндру. Есенин совсем так не думал, но всё равно вёл себя как дикарь, впервые попавший в цивилизованный мир. Заказал себе такое количество костюмов, которые один человек не может сносить за всю жизнь (даже и в несколько раз более длинную, чем жизнь Есенина). Требовал, чтобы ему каждый день мыли голову, чтобы у него была отдельная ванная, много одеколona, духов, пудры. Презиравшая буржуазные ценности Айседора понимала и это: «Он ведь такой ребёнок, и у него никогда ничего в жизни не было». Муж младшей сестры А. Есениной В. Наседкин вспоминал: «К красивой одежде он всю жизнь питал слабость и нередко покупал вещи, ему совсем не нужные. Примерить же лишний раз какой-нибудь шелковый платок или надеть японский халат – доставляло ему не меньшее удовольствие, чем прочитать своё только что написанное стихотворение».

«Сергей, не очень разбиравшийся в том, что принято носить за границей, но имея слабость к вещам, вырядился в синий костюм и белые парусиновые туфли, считая, что в них он очень наряден. Скажу, что с его золотой гривой, обрамлявшей голову подобно ореолу, было все равно, что надеть. Лицо у него было всегда прекрасным, кроме тех моментов, когда наступали страшные припадки, тогда он был просто ишчадием ада. Менялся он весь, даже цвет глаз и волос. Нельзя было поверить, что это один и тот же человек...» – писала Дести Мэри (9) в книге «Нерассказанная история». Дункан не очень заботилась о внешнем впечатлении как человек, уверенный в себе и чувствующий себя в этом мире как дома. Одевалась она более чем просто.

Есенин в первый же день тоже дал краткое интервью газете «Накануне». Вот его текст: «Я люблю Россию. Она не принимает иной власти, кроме советской. Только за границей я понял совершенно ясно, как велика заслуга русской революции, спасшей мир от безнадежного мещанства». «По приезде Изадора тут же потащила меня по городу, ей не терпелось показать мне все музеи и достопримечательности, а меня европейская атмосфера почему-то угнетала. Смотрел я на это все и с каждой секундой все более убеждался, что нет лучше России-матушки. Я соглашался на уговоры Изадоры и осматривал город только для того, чтобы побыстрее забыть. Все здесь было чинно и выглажено как утюгом. Даже птички сидели там, где им положено. Скука и тоска смертная», – вспоминал Есенин.

Молодая Советская республика в те годы испытывала огромные затруднения с выпуском книг. Не было бумаги, полиграфической базы, многие старые типографии были разрушены, не хватало квалифицированных рабочих-печатников. В конце 1921 года (в качестве временной меры) всем кооперативным организациям, равно как и частным лицам, было предоставлено право заниматься книгоиздательством, в том числе и выпуском книг на русском языке за границей. При этом было установлено, что книги, изданные за рубежом, могут быть ввезены в Советскую Россию только после получения одобрения Госиздата. Пребывая в Берлине, Есенин в течение дня обычно вёл достаточно деловой стиль жизни, посещал редакции газет, оговаривал с издательствами планы издания своих книг и книг Мариенгофа. Провожая Есенина в Германию, Мариенгоф и другие имажинисты считали, что на «свободном» Западе к их творчеству бу-

дет, несомненно, проявлен большой интерес, чем в России. Они возлагали большие надежды на поездку Есенина. В какой-то мере надеялся на это и сам Есенин. И вот теперь, столкнувшись с действительным положением вещей, Есенин пишет Мариенгофу: «От твоих книг шарахаются. Хорошую книгу стихов удалось продать только как сборник новых стихов твоих и моих. Ну, да чёрт с ними, ибо все они здесь прогнили за 5 лет эмиграции... Крайне ограниченными и бедными выглядят планы на будущее... Из всего, что я намерен здесь сделать, это издать переводы двух книжек по 32 страницы двух несчастных авторов, – замечает Есенин, – о которых здесь знают весьма немного, и то в литературных кругах».

Поэма «Пугачёв»

В Ташкенте в мае 1921 года Есенин в черновом варианте закончил свою драматическую поэму «Пугачёв», и она впервые прозвучала перед ташкентцами в авторском исполнении в Туркестанской публичной библиотеке. Овации были бесконечны.

Забезинский Григорий Борисович, поэт, переводчик, издатель, работал в 1922 году в Берлине в издательстве З.И.Гржебина. 11 мая 1922 г. С.Есенин встречался с Г.Б.Забезинским в «Книжном салоне» Русского универсального издательства (Мартин-Лютерштрассе, 96). В беседе с ним Есенин сообщил о завершении работы над поэмой «Пугачёв».

«Узнав, что Есенин останется в Берлине на несколько недель, – писал Г.Б.Забезинский, – я предложил моим коллегам попробовать получить эту рукопись для нашего издательства. Предложение было сделано и, к моему удовольствию, принято под условием – вести переговоры с Кусиковым».

Для редакторов Русского универсального издательства, только за год до этого приехавших из Москвы, имя Есенина звучало не менее громко, чем имя Р.М.Рильке, Стефана Георге и Гофмансталя, которых они издавали в серии «Всемирный пантеон» тиражом в 5000 экземпляров. Никто из них не стал возражать против издания поэмы, поэтому в спешном порядке её набрали и напечатали отдельным изданием (вне серий). В противоположность Бунину и Гиппиус, многие эмигранты считали Есенина русским принцем поэтов. Европейскую известность приносит Есенину драматическая поэма «Пугачёв». Илья Эренбург в рецензии на книгу называет поэму

«началом высокого эпоса», а Алексей Толстой причисляет Есенина к «создателям новой русской трагедии, основой которой является миф о революции».

А вечерами...

До романа с Айседорой, которая после гибели детей стала злоупотреблять алкоголем, длительных запоев у Есенина не водилось. Пил, как все русские мужики, и дебоширил. Вечером в Берлине, как правило, Есенина ждали гости, встречи, выступления и неизбежная выпивка. В Берлине они зарегистрировали свой брак вторично. «Я никогда не верила в брак и теперь верю меньше, чем когда-либо. Я вышла замуж за Есенина только затем, чтобы дать ему возможность получить паспорт в Америке», – признавалась Дункан. То, что брак поэта и танцовщицы просуществует недолго, было понятно многим. Айседора по-матерински опекала Есенина, но он не собирался отказываться ни от своих холостяцких привычек, ни от загулов, которым способствовали Сандро Кусиков и композитор Николай Набоков, приходящийся двоюродным братом писателю Владимиру Набокову.

«В Берлине несколько раз я встречал его с Айседорой Дункан. Она понимала, что ему тяжело, хотела помочь и не могла. Она обладала не только большим талантом, но и человечностью, нежностью, тактом; но он был бродячим цыганом; пуще всего его пугала сердечная оседлость. Рядом с ним всегда бывали его спутники: имажинисты, Кусиков с гитарой или «крестьянские поэты», как будто сошедшие с лакированных коробок Палеха. Поэтов оттесняли просто пьяницы, довольные тем, что допущены к столу знаменитого человека... Есенин прожил в Берлине несколько месяцев, томился и, конечно же, буянил. Его неизменно сопровождал имажинист Кусиков... Они пили и пели. Напрасно Айседора Дункан пыталась унять Есенина; одна сцена следовала за другой... Есенин в отчаянии бил посуду», – писал Илья Эренбург.

В берлинские дни 1922 г. Есенина впервые увидел известный литератор Роман Гуль. Вот как он описал эту встречу: «Литературный стол был чрезмерно обустроен. Оркестр играл беспрерывно. Рядом был А. Толстой. Напротив – Н. Крандиевская и Есенин... Она что-то говорила... Но Есенин не слышал. Он вскидывал головой, чему-то улыбался и синими глазами смотрел в пьяное пространство...»

Я сказал Есенину:

– Чего вы уставились?

Дальше должна была быть брань, драка, бутылкой в голову. Но Есенин улыбнулся тихо и жалобно... И сказал, протягивая руку:

– Я – ничего. Я – Есенин, давайте познакомимся...

Средь цветов и бутылок Есенин, облокотившись на стол, стал читать стихи. За столом замолчали, наклонившись к нему. Когда Есенин читал, я смотрел на его лицо... Такие лица бывают хороши в отрочестве. Сейчас оно было большое, мертвенное, с впалым голубым румянцем. Золотые волосы и синие глаза были словно от другого лица, забытого в Рязани...

Он казался скакуном, потерявшим бровку и бросившимся вскачь целиной ипподрома. Я заказал оркестру трепак. Трепак начался медленно, «с подмывом». Мы стали просить Есенина. Он прошел несколько шагов. Остановился. Улыбнулся в пол. Но темп был хорош. И Есенин заплясал. Плясал он, как пляшут в деревне на праздник. С коленцем. С вывертом.

– Вприсядку, Сережа! – кричали мы.

Смокинг легко и низко опустился. Есенин шел присядкой по залу. Оркестр ускорял темп, доходя до невозможного плясуну. Есенина подхватили под руки. Гром аплодисментов. И мы опять пришли к столу, где в тортах стояли окурки и цветы валялись, как измятые лошадыми...

Толстой с Крандиевской уехали... Я шел, качаясь, пустым залом... И вместо комнаты, где сидели мы, – вошел, где лакеи составляли посуду. Тут на столе сидел Есенин. Он сидя спал. Смокинг был смят. Лицо – отчаянной бледности. А сидел так, как в ночном у костра сидят крестьянские мальчишки, поджав под себя ноги».

Встреча Есенина с Горьким в пансионе фрау Фишер

В Шарлоттенбурге – фешенебельном районе Берлина с богатыми особняками и дорогими магазинами, на углу Курфюрстендамм и Уландштрассе, находился пансион фрау Фишер. Он занимал две спаренные квартиры на втором этаже дома. В коленообразный тихий коридор выходили двери комнат. Три раза в день в большой столовой горничные расставляли на белоснежной скатерти тарелки, ножи и вилки и свернутые в трубочки салфетки в деревянных кольцах с номером. Три раза в день горничная ударяла в гонг, который висел в передней, созывая жильцов к табльдоту на завтрак, обед или ужин.

На званом обеде у четы Толстых...

17 мая 1922 года состоялась широко известная ныне встреча с Горьким. Посредником был Алексей Толстой. Именно ему Горький сказал, поглаживая усы: «Зовите меня на Есенина, интересуется меня этот человек». В пансионе фрау Фишер, где Толстые жили в двух меблированных комнатах (своего жилья в Берлине, естественно, не имели), был организован обед для Горького и четы Есенин-Дункан.

К Толстым на обед Есенин и Дункан пошли вместе с Кусиковым, прихватившим с собою гитару, которого там не ждали, и стол был накрыт на пять персон. Там должен был быть и Горький. Айседора пришла, обтекаемая многочисленными шарфами пепельных тонов, с огненным куском шифона, перекинутым через плечо, как знамя. В этот раз она была спокойна, казалась усталой. Грима было меньше, и увядающее лицо, полное женственной прелести, напоминало прежнюю Дункан. Волосы у Айседоры в результате многократных переокрасок были лиловыми. Есенин в чёрном смокинге и белой манишке держался скованно и неуверенно. Алексей Толстой смотрел на Есенина и думал: «...Деревенский, русский, кудреватый, голубоглазый, с задорным носом. Ему бы холщовую рубашку с красными латками, перепояску с медным гребешком – и в Семика – плясать с девками в берёзовой роще...»

Есенину всего 27 лет, пить всерьёз он начал только полгода назад – и такие обескураживающие результаты: как у запойного пьяницы с многолетним «разгоном». Ни одна тема за столом Есенина не интересовала – он только подливал; отсюда и обострённое внимание Горького к его рукам.

Вот как М. Горький вспоминает эту встречу: «...Через шесть-семь лет я увидел Есенина в Берлине, в квартире А. Н. Толстого. От кудрявого, игрушечного мальчика остались только очень ясные глаза, да и они как будто выгорели на каком-то слишком ярком солнце. Беспокорный взгляд их скользил по лицам людей изменчиво, то вызывающе и пренебрежительно, то вдруг неуверенно, смущённо и недоверчиво. Мне показалось, что, в общем, он настроен недружелюбно к людям. И было видно, что он – человек пьющий. Веки опухли, белки глаз воспалены, кожа на лице и шее – серая, поблекла, как у человека, который мало бывает на воздухе и плохо спит. А руки его беспокойны и в кистях размотаны, точно у барабанщика. Да и весь он встревожен, рас-

сеян, как человек, который забыл что-то важное и даже неясно помнит – что именно забыто им. Его сопровождали Айседора Дункан и Кусиков (2). «Тоже поэт», – сказал о нём Есенин, тихо и с хрипотой. Около Есенина Кусиков, весьма развязный молодой человек, показался мне лишним. Он был вооружен гитарой, любимым инструментом парикмахеров, но, кажется, не умел играть на ней...»

Пансион Марии Фишер. Большая комната с балконом на Курфюрстендам, длинный, поставленный по диагонали стол. Все расселись. Есенин оказался соседом с Горьким. Взгляд у Максима Алексеевича был цепкий, внимательный и немного осуждающий. От этого взгляда Есенину сразу стало неуютно. Айседора, как обычно, не смогла отказать себе в удовольствии выпить и уже вскоре была навеселе. Обед проходил шумно и сумбурно. Три вещи беспокоили хозяйку завтрака – Наталью Толстую. Первое – это чтобы не выбежал из соседней комнаты Никита, запрятанный туда на целый день, чтобы своим присутствием не травмировать Айседору, которой казалось, что он напоминает ей сына Патрика Аугустуса, который в 1913 году трагически погиб. Его отцом был Пэрис Юджин Зингер, один из многочисленных наследников Айзека Зингера, создателя легендарной швейной машинки. Дети Айседоры утонули в Сене вместе с машиной и няней. Водитель вышел завести мотор вручную, забыв поставить машину на тормоз, и она съехала в реку.

Второе заключалось в том, что разговор у Есенина с Горьким, посаженным рядом, не налаживался. Есенин робел перед ним как мальчик. Горький присматривался к нему. Третье беспокойство внушал хозяин завтрака Алексей Толстой, непредусмотрительно подливавший водку в стакан Айседоры (рюмок для этого напитка она не признавала). Следы этой хозяйской беспечности были налицо. После обеда и кофе Есенин читал свои стихи. Он шагал по комнате и читал громко и певуче. Айседора, ничего не понимая, смотрела на него влюблёнными глазами. Она быстро захмелела, Алексей Толстой щедро подливал ей водку.

– За русски рэволюсс! – шумела Айседора, протягивая стакан Горькому. – Да здравствует Горки! Я буду тансоват для русски рэволюсс!

Горький чокался, хмурился, шептал Наталье Толстой-Крандиевской: «Эта пожилая барыня расхваливает русскую революцию, как театрал – удачную премьеру. Это она зря!»

Танец «парящей пьяной походки»...

«В её улыбке была заря. В движениях тела – Аромат зелёного луга. Складки её туники, точно журча, бились пенными струями, когда отдавалась она пляске вольной и чистой... лицо её, осенённое Духом, мерцало холодным огнём – новое, тихое, бессмертное лицо её», – так описывал её танец Андрей Белый в «Зелёном луге», который жил в Берлине с ноября 1921 года. Интересно, что за танец мы увидим сейчас?

Раскрасневшаяся, с лоснящимся от выпитого лицом, Изадора возжелала танцевать. Оставив на груди и на животе по шарфу, она, высоко вскидывая колени и запрокинув голову, побежала по тесной комнате под аккомпанемент кусиковской гитары. «Кабацкий человек» – Кусиков – «нащипывал ей на гитаре «Интернационал». Ударяя руками в воображаемый бубен, она кружилась и извивалась, прижимая к себе букет измятых цветов с застывшей улыбкой на опухшем и покрасневшем лице. Её пляска изображала как будто борьбу тяжести возраста с насилием её тела, избалованного славой и любовью. В автобиографии Дункан так говорит о своём рождении: «Характер ребёнка определён уже в утробе матери. Перед моим рождением мать переживала трагедию. Она ничего не могла есть, кроме устриц, которые запивала ледяным шампанским. Если меня спрашивают, когда я начала танцевать, я отвечаю – в утробе матери. Возможно, из-за устриц и шампанского».

«Дункан я видел на сцене за несколько лет до этой встречи, когда о ней писали как о чуде, а один журналист удивительно сказал: «Её гениальное тело сжигает нас пламенем славы». Но я не люблю, не понимаю пляски от разума, и не понравилось мне, как эта женщина металась по сцене. Помню – было даже грустно, казалось, что ей смертельно холодно и она, полуодетая, бегаёт, чтоб согреться, выскользнуть из холода...» – писал Горький о её танце.

Есенину её танцы сейчас тоже были неприятны, но в такие минуты её невозможно было остановить. Это был её знаменитый танец «с шарфом», её коронка. «Хорошо, что она ещё не танцует босая и полуобнажённая, как это она любит делать», – думал Есенин, выпив при этом фужер вина, чтобы было легче смотреть на этот роковой шарф, который через пять лет лишит её жизни... Он вдруг вспомнил, как в день их первой встречи она так же танцевала в красном хитоне под музыку «Интернационала». Он был покорен и

жаждал знакомства, однако выяснилось, что он не знает ни английского, ни французского, а она не знает русского. Переводчика нет. А его уже просто распирает от желания высказать, выразить, выкричать Айседоре – влюблён! Он изъясняется жестами, корчит рожи, ругается по-русски... Дункан равнодушно пожимает холёными плечами. Он говорит: «Отойдите все», – снимает ботинки и начинает танцевать вокруг неё какой-то дикий невообразимый танец, потом падает ниц и обнимает её колени. Улыбнувшись, Айседора гладит его по льяным кудрям и нежно говорит одно из немногих знакомых ей русских слов: «Ангель». Потом, заглянув ему в глаза, добавляет: «Чиорт!» Их знакомство запомнилось всем очевидцам. Вот как вспоминает их встречу друг Есенина – поэт Анатолий Мариенгоф: «В первом часу ночи приехала Дункан. Красный, мягкими складками льющийся хитон, красные с отблеском меди волосы, большое тело, ступающее легко и мягко. Она обвела комнату глазами, похожими на блюдца из синего фаянса, и остановила их на Есенине. Маленький нежный рот ему улыбнулся. Изадора легла на диван, а Есенин у её ног. Она окунула руку в его кудри и сказала: «Solotaia golova!» Воспоминания, как пьяный сон, прошли, и Есенин видел сейчас другую Айседору – пьяную, за которую ему было стыдно. Хотелось самому напиться в стельку, если б не рядом сидевший Горький...»

«... Когда она плясала, он, сидя за столом, пил вино и краем глаза посматривал на неё, морщился. Может быть, именно в эти минуты у него сложились в строку стихи-слова сострадания: «Излюбили тебя, измызгали...» И можно было подумать, что он смотрит на свою подругу как на кошмар, который уже привычен, не пугает, но всё-таки давит...» – так описывал Горький танец Дункан.

М.Горький и Н.Крандиевская, конечно, не принадлежали к числу «эстетов, тонких ценителей пластики», а потому танец Айседоры им не понравился. Зрители жались к стенкам. Есенин опустил голову, словно был в чём-то виноват. Ему было не по себе глядеть на её нетрезвые движения. Он, как бы желая избавиться от дурного наваждения, несколько раз встряхнул головой, но наваждение не пропадало. Утомлённая танцем Айседора припала Есенину на колени, осоловело улыбаясь. Он улыбнулся, положил ей руку на плечо и отвернулся. «Мальчишкой, целуя коров в морду, я просто дрожал от нежности... И сейчас, когда женщина мне нравится, мне кажет-

ся, что у неё коровьи глаза. Такие большие, бездумные, печальные. Вот как у Айседоры», – говорил Есенин, но не в этот раз.

Стиль отношений Есенина и Айседоры Дункан установился сразу же после того, как они сошлись. Она – стареющая женщина, до безумия влюблённая в своего молодого, красивого и талантливую любовника. Всё это довольно точно подметил Мариенгоф, который писал: «Есенин был её повелителем, её господином. Она, как собака, целовала руку, которую он заносил для удара, и глаза, в которых чаще, чем любовь, горела ненависть к ней».

Вот и сейчас в нём вспыхнули жестоко и жалостно отчаянные слова:

*Что ты смотришь так синими брызгами?
Иль в морду хошь?...
Дорогая, я плачу, прости... прости...*

Но в ту же секунду Есенину стало жалко эту молодую грузную женщину с детской душой, так самозабвенно влюбившуюся в него, сердце вдруг кольнуло невесть откуда взявшееся чувство вины, и он понял: вот оно, стихотворение, уже родилось, надо только его записать. Есенин позже признается, что Айседора была нежна с ним, «как мать», и говорила, что он похож на её погибшего сына.

Есенина попросили читать...

Н. Вержбицкий (10) писал: «Есенин был далеко не красноречив, устная речь его, особенно во время спора, была нескладна, отрывиста, часто непоследовательна. Казалось, что слова и фразы вылетают у него, опережая и даже заслоняя мысль. Эта «бесталанность к гладкому разговору» иногда угнетала поэта, и он становился молчаливым».

И. Шнейдер вспоминал: «Вечерами, когда собиравались гости, Есенина обычно просили читать стихи. Читал он охотно и чаще всего «Исповедь хулигана» и монолог Хлопуши из поэмы «Пугачёв», над которой в то время работал. В интимном кругу читал он негромко, хрипловатым голосом, иногда переходившим в шёпот, очень внятный; иногда в его голосе звучала медь... Со сцены он, наоборот, читал громко, чуть-чуть «окая». В монологе Хлопуши поднимался до трагического пафоса, а заключительные слова поэмы читал на совсем замирающих тонах, голосом, сжатым горловыми спазмами».

Горький вспоминает тот обед у Алексея Толстого: «...Есенина попросили читать. Он охотно согласился, встал и начал монолог Хлопуши. Вначале трагические выкрики каторжника показались театральными.

*Сумасшедшая, бешеная, кровавая муть!
Что ты? Смерть?..*

Но вскоре я почувствовал, что Есенин читает потрясающе, и слушать его стало тяжело до слёз. Я не могу назвать его чтение артистическим, искусным и так далее. Все эти эпитеты ничего не говорят о характере чтения. Голос поэта звучал несколько хрипло, крикливо, надрывно, и это как нельзя более резко подчеркивало каменные слова Хлопуши. Изумительно искренне, с невероятной силой прозвучало неоднократно и в разных тонах повторенное требование каторжника:

«Я хочу видеть этого человека!»

И великолепно был передан страх:

«Где он? Где? Неужели его нет?»

Даже не верилось, что этот маленький человек обладает такой огромной силой чувства, такой совершенной выразительностью. Читая, он поблел до того, что даже уши стали серыми. Он размахивал руками не в ритм стихов, но это так и следовало, ритм их был неуловим, тяжесть каменных слов капризно равновесна. Казалось, что он мечет их, одно – под ноги себе, другое – далеко, третье в чье-то ненавистное ему лицо... Совершенно изумительно прочитал он вопрос Пугачёва, трижды повторенный:

– Вы с ума сошли? – громко и гневно, затем тише, но ещё горячий:

– Вы с ума сошли?

И, наконец, совсем тихо, задыхаясь в отчаянии:

– Вы с ума сошли? Кто сказал вам, что мы уничтожены?

Неописуемо хорошо спросил он:

– Неужель под душой так же падаешь, как под ношею?

И после коротенькой паузы вздохнул, безнадежно, прощально:

– Дорогие мои... Хор-рошие...

Взволновал он меня до спазмы в горле, рыдать хотелось. Помнится, я не мог сказать ему никаких похвал, да он, думаю, и не нуждался в них...»

Когда Есенин закончил читать монолог Хлопуши, нетрезвая Изадора со слезами на глазах захопала, как обычно, громче всех с криком: «Bravo, Esenin! Bravo!» Горький молчал, и Есенин

никак не мог понять, понравилось ли ему. Тут Горький вдруг попросил его: «Почитайте о собаке, у которой отняли и бросили в реку семерых щенят... Если вы не устали, конечно».

– Я никогда не устаю от стихов, – гордо ответил Есенин и недоверчиво добавил: – А вам нравится о собаке?

– Вы первый в русской литературе так умело и с такой искренней любовью пишете о животных.

– Да, я очень люблю всякое зверье, – сказал Есенин и начал читать.

Читал он, читал, и так ему муторно становилось на душе, так хотелось сбежать куда-нибудь отсюда подальше.

И когда произнёс последние строки: «Покатились глаза собачьи золотыми звездами в снег», – на его глазах тоже сверкнули слёзы.

«После этих стихов невольно подумалось, что Сергей Есенин не столько человек, сколько орган, созданный природой исключительно для поэзии, для выражения неисчерпаемой «печали полей», любви ко всему живому в мире и милосердия», – писал Максим Горький.

Максим Горький удивлялся тому, что, читая это стихотворение, Есенин плакал. Для него осталось тайной такое прочувственное переживание. А ничего таинственного в этом не было, если учесть, что плакал он не о судьбе неизвестной собачонки. Он плакал о судьбе человеческой. О судьбе собственной матери...

И, стоя в нише окна, Горький с Есениным долго шушукались...

Крандиевская запомнит, что Горький с Есениным о чём-то под конец вечера, стоя в нише окна, разговорились. О чём они могли говорить, отдалившись от всех? Возможно, о чрезмерном пристрастии Есенина к алкоголю.

Возможно, в голове Есенина тогда всплыли воспоминания о первом грандиозном контакте с алкоголем. Это случилось в 1915 году, когда он попал в число рекрутов на Первую мировую войну. Во время грандиозных проводов Есенин узнал, что у матери есть ребёнок на стороне и, как говорится, «слетел с катушек». Проводы вылились в гулянья с гармонью и драку с пришлыми мужиками. Сергей отравился до невменяемости самогоном, и мать, незадолго до этого посланная им на три буквы, лечила сына народным средством: била бутылкой по пяткам, пока не началась рвота, потом силком вливала в рот молоко...

У его матери действительно был незаконно-

рожденный сын Сашка, которого она отдала на воспитание в чужие руки...

Воспоминания резко закончились, когда к ним подошла пьяная Айседора и положила руку на его плечо. Ему сразу захотелось выпить...

Есенин подарил Горькому свою поэму «Пугачёв» с дарственной надписью: «Дорогому Алексею Максимовичу от любящего Есенина. 17 мая 1922 года».

Илья Шнейдер видел, как С. Есенин долго и очень серьёзно работал над «Пугачёвым». Он отмечал, что: «Есенин очень любил своего «Пугачёва» и был им поглощён. Ещё не кончив работу над поэмой, хлопотал об издании её отдельной книжкой, бегал и звонил в издательство и типографию и однажды ворвался на Пречистенку торжествующий, с пачкой только что сброшюрованных тонких книжечек тёмно-кирпичного цвета, на которых прямыми и толстыми буквами было оттиснуто: «Пугачёв». Он тут же сделал на одной из них коротенькую надпись и подарил книжку мне. Но у меня её очень быстро стащил кто-то из есенинской «поэтической свиты». Я заметил эту пропажу лишь тогда, когда Есенин и Дункан уже колесили по Европе. Было очень досадно, тем более что я не запомнил текста дарственной надписи. Такая же участь постигла и книжку, подаренную Есениным Ирме Дункан».

Кстати, Айседора была первой, кому он подарил отдельное издание этой драматической поэмы, сделав такую дарственную: «За всё, за всё тебя благодарю я...»

– Пойдёмте гулять! – предложил Есенин Изадоре. – Куда-нибудь! В шум! – И он обнял её, похлопав по спине.

– Да, да, – обрадовалась она. – Луна-парк!

– Ну, Луна-парк так луна-парк, – удовлетворённо произнёс Есенин, и они стали одеваться.

На прощание Изадора бросилась расцеловывать этих снобов: «Ochen kharoshi russki! Takoj uñ!» – растроганно говорила она. Но Есенин осёк её, грубо хлопнув по плечу: «Не смей целовать чужих!»

Об этой встрече с Горьким Есенин рассказал Н.К.Вержбицкому: «Когда мы встретились в Берлине, я при нём чего-то смущался. Мне всё время казалось, что он вдруг заметит во мне что-нибудь нехорошее и строго прищипнет на меня, как, бывало, цыкал на меня дед. Да ещё каблуком стукнет о пол... От Горького станется!» Д.Семеновский передал Есенину отзыв о нём Горького как о «колоссальном таланте», на что тот ответил: «В Германии я видел Алексея Мак-

симовича. Когда я читал там свои стихи, он заплакал и сказал: «Откуда такие берутся». Потом Горький подытожит: «Был в тот вечер Есенин судорожно, истерически пьян, но на ногах держался крепко, только глаза у него как-то странно дымилась и всё время его бросало в углы, где потемней».

Эпилог

...14 сентября 1927 г. Дункан, взяв свой любимый красный шарф, предприняла автомобильную прогулку. Садясь в машину, Айседора обмотала шарф вокруг шеи и крикнула провожавшим её друзьям: «Прощайте, я отправляюсь к славе!» Автомобиль тронулся, потом внезапно остановился, и окружающие увидели, что голова Айседоры резко упала на край дверцы. Шарф попал в ось колеса и, затянувшись, сломал ей шею: чтобы освободить голову, притянутую к борту машины, пришлось разрезать шарф. Толпа набросилась на искромсанный ножницами кусок ткани в жажде заполучить «верёвку повешенного» на счастье и растерзала его. В Париже на гроб Айседоры был положен букет красных роз от советского представительства. На ленте была надпись: «От сердца России, которое скорбит об Айседоре».

Не гляди на её запястья

И с плечей её льющийся шёлк.

Я искал в этой женщине счастья,

А нечаянно гибель нашёл...

(Есенин, из цикла «Москва кабацкая»)

Оба бунтари по духу, они оба были одарёнными людьми: одна в пластических танцах, другой в поэтических писаниях. При этом они всегда спорили, что после её смерти о ней мало кто вспомнит, что она «просто танцовщица», а его стихи будут жить вечно.

Айседору, приезжавшую с гастролями ещё в Российскую империю, многие исподтишка называли «Дунькой-коммунисткой», а Есенину из-за разницы в возрасте с новой подругой посвятили в Москве недобрую эпиграмму: «Есенина куда вознёс аэроплан? В Афины древние, к развалинам Дункан» и считали поэта большевиком. Да, у Есенина есть такие слова:

Небо – как колокол,

Месяц – язык,

Мать моя – родина,

Я – большевик.

А закончили они оба нелепо трагично – «с петлёй» на шею. Один на верёвке, другая – на шарфе с разницей в два года. Хотя, по словам его друга поэта-имажиниста А. Кусикова: «Никогда я не встречал человека, так любящего жизнь, по-звериному любящего, как Есенин. Ни у кого я не наблюдал такого страха перед смертью, как у него. Особенно в самые страшные годы Октября, когда повсюду смерть мельтешилась. Смерть. Он боялся быть случайно убитым, боялся умереть от тифа, от испанки, от голода... Боялся даже проходить мимо полуразрушенных (в то время частых) домов, чтоб кирпич не свалился ему на голову, чтоб качающаяся балка не сорвалась и не придавила его. Он ужасно боялся случая – Смерти». И Есенина, и Дункан помнить будут всегда, так же, как мы помним Пифагора, Гомера или Пиндара... С последним я, наверное, переборщил...

Источники:

- Илья Шнейдер. «Встречи с Есениным».
- Борис Тимофеевич Грибанов. «Женщины, которые любили Есенина».
- Александр Кусиков. «Только раз ведь живём мы, только раз...» (Памяти Есенина).
- Владимир Станиславович Тормышов. «Скрытые и явные враги Есенина».
- Ольга Тер-Газарян. «Есенин и Айседора Дункан».
- Федор Федорович Крандиевский. «Рассказ об одном путешествии».
- Н.Крандиевская-Толстая. «Воспоминания». Лениздат, 1977.
- Лев Шилов. «Голоса, зазвучавшие вновь» (Записки звукоархивиста-шестидесятника). М., 2004.
- Максим Горький. «Сергей Есенин».
- Александр Николаевич Попов. «Русский Берлин».
- Н. Кузьмин. Из книги «Возмездие» (Горький и Есенин).
- Людмила Владимировна Поликовская. «Есенин. Русский поэт и хулиган».
- Захар Прилепин. «Есенин».
- Николай Набоков. «Багаж». Мемуары русского космополита. СПб.: Изд-во Журн. «Звезда», 2003.

Примечания

1. Дункан Айседора (1878–1927) – американская танцовщица, одна из основоположниц школы танца модерн. В 1921–1924 гг. жила в СССР. Была женой С. Есенина.
2. Александр Борисович Кусиков (псевд., наст. фам. Кусикян, 1896–1977), поэт, участник группы имажинистов. В начале 1922 г. при содействии Луначарского выехал в Ревель, оттуда в Берлин по командировке Наркомпроса. С 1925 г. жил в Париже, с начала 30-х гг. практически отошёл от литературы.
3. Наталья Васильевна Крандиевская-Толстая (21 января [2 февраля] 1888, Москва – 17 сентября 1963, Ленинград) – русская советская поэтесса и писательница, мемуаристка. В 1917–1938 гг. была замужем за писателем Алексеем Николаевичем Толстым.
4. Илья Ильич Шнейдер (1891–1980) – журналист, театральный работник. Летом 1921 года он был прикомандирован к приехавшей в Москву Айседоре Дункан и помогал ей в организации школы танца. Впоследствии, после отъезда А.Дункан из России, руководил студией, затем Московским театром-студией им. Айседоры Дункан, существовавшим до 1949 года. Познакомился с Есениным в ноябре 1921 года.
5. Зинаида Николаевна Гиппиус (в замужестве Мережковская; 1869–1945) – поэт, прозаик, литературный критик. Псевдонимы: Антон Крайний, Роман Аренский, Антон Кирша, Л. Денисов, Лев Пуцин, Товарищ Герман.
6. Иван Васильевич Грузинов (1893–1942) – поэт, выступал в печати с 1912 года, в 1915–1926 годах выпустил ряд поэтических сборников («Бубны боли», «Избяная Русь», «Малиновая шаль» и др.). Познакомился с Есениным в 1918 году, в 1919 году вошел в группу имажинистов.
7. Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941) – русский писатель и поэт XX века, сложный и неоднозначный представитель литературы. Интересовался не только поэзией, активно писал критику, работы на тему истории и религиозной философии, переводил с латыни. Является одним из отцов русского символизма.
8. В. А. Ветлугин (настоящая фамилия Рындзюн Владимир Ильич) (1897–1953) родился в Ростове-на-Дону в семье врача. Окончил юридический факультет Московского университета. В конце 1917 года дебютировал в периодической

печати под собственным именем как журналист. В 1918–1919 годах, сотрудничая в белых газетах на юге России, начал использовать псевдоним «А. Ветлугин» (в числе нескольких других псевдонимов). Весной 1922 года переехал в Берлин, сотрудничал в финансируемой советскими властями газете «Накануне».

9. Мэри Дести Стерджес, урождённая Демпси (10 октября 1871–1931 г.), уроженка Квебека (провинция Канады) – американская предпринимательница и писательница.

10. Николай Константинович Вержбицкий (1889–1973) – писатель и журналист, выступал в печати с 1908 года, с апреля 1924 года – сотрудник газеты «Заря Востока» (Тифлис). Познакомился с Есениным весной 1921 года, дружеские отношения между ними установились, когда поэт приехал в Тифлис в сентябре 1924 года. Известно пять писем Есенина к Н. К. Вержбицкому, относящихся к 1924–1925 годам.

11. Елизавета Яковлевна Стырская (1898–1947), или Лика Стырская, как её называли в кругу поэтов, сейчас тоже мало кто знает. А в 20-е годы она входила в круг «прославленных и юных» друзей Есенина. И известность ей принесла единственная нашумевшая книжечка эротических стихов «Мутное вино».

12. Ирина Владимировна Одоевцева (псевд., наст. фамилия и имя Гейнике Ираида Густавовна, 1895–1990), поэтесса, прозаик, участница акмеистического объединения «Цех поэтов».

«Маленькая поэтесса с огромным бантом», как она себя называла, была гордостью студии Николая Гумилёва.

13. Николай Гаврилович Полетаев (1889–1935) – поэт и прозаик. Познакомился с Есениным в 1918 году на занятиях Литературной студии московского Пролеткульта.

Евгений ТАТАРНИКОВ

родился в Удмуртии в 1959 году.

В 1982 году окончил МВТУ им. Баумана.

Подполковник милиции в отставке.

Печатался в журналах: «Южная звезда», «Традиции и авангард», «Истоки», «Бийский вестник», «Царицын», «Литкультпривет»,

«Автограф», «Чайка» (США), «Великороссь»,

«Александръ», «Камертон»,

в газетах «День литературы», «Российский писатель»,

в историческом журнале «Суждения», альманахе «Гражданинъ»,

3 место в литературном конкурсе имени С.Н. Сергеева-Ценского-2021,

лауреат «Золотое перо Руси-2022».

В журнале «Север» публикуется впервые.

